

Социологическое изучение преступности: по следам зарубежного опыта

Комлев Ю.Ю.

Доктор социологических наук, профессор,
начальник кафедры философии, политологии,
социологии и психологии
Казанского юридического института МВД России

Статья посвящена обзору основных социологических методов изучения преступности с учетом ее латентной составляющей. Показаны результаты и проблемы зарубежных исследований в постижении «темной цифры» преступности. Раскрыты достоинства и недостатки статистических и социологических подходов при изучении преступности как вида негативного девиантного поведения. Показана роль обзоров виктимизации и других социологических методик для решения задач повышения служебной эффективности органов правопорядка, информированности ученых и правового просвещения общества.

Социология, наряду с криминологией, изучает широкий спектр общественных явлений, связанных с различными формами социального неблагополучия (преступность, наркотизм, алкоголизм, проституция и др.). В их ряду наиболее сложную и острую социальную проблему представляет преступность во всех ее проявлениях. Преступность обычно изучается социологами как вид негативной девиантности, поскольку она описывается понятием релятивным и конвенциональным, являющимся результатом социального конструирования. Я.И. Гишинский определяет преступность как «относительно распространенное (массовое), статистически устойчивое социальное явление, разновидность (одна из форм) девиантности, определяемая законодателем в уголовном законе» [1, с. 37].

Вместе с тем, преступные акты являются не только социальными конструктами, но поведенческими практиками, которые происходят в социальном окружении, детерминированы культурными, экономическими, политическими и иными социоструктурными факторами. Преступность имеет вполне реальное эмпири-

ческое измерение. Отсюда закономерно, что социологические исследования позволяют получить в том или ином приближении эмпирическую оценку этого социального явления и ее структурных компонент.

Социологи, изучая преступность, широко используют количественные и качественные методы сбора данных, приемы их математической обработки и содержательной интерпретации. Социологический ракурс исследования преступности опирается на положение о том, что преступное поведение обычно рассматривается в контексте более общей научно-практической проблемы обеспечения социального порядка, предотвращения хаоса и дезорганизации (беспорядка) в обществе. Социологи разрабатывают методики оценки и операциональные индикаторы того, как социальные изменения, социальный статус, мера депривации и степень социального неравенства, а также другие социальные факторы и условия влияют на уровень убийств, разбоев и краж. Изучение причин девиантности и преступности корреспондируется в социологических работах с анализом пре-

ступных карьер и особенностей ресоциализации девиантов.

Одни исследователи видят в преступности признак ослабленного или социально дезорганизованного общества. Другие считают, что преступное поведение в терпимых размерах может послужить укреплению существующего общественного статус-кво. Некоторые ученые рассматривают преступность как угрозу интересам одних групп общества и одновременно выражение интересов других его членов. Словом, социологи исходят из того, что общественный порядок – есть социально обусловленный результат конкуренции и конфликта между различными группами людей.

При изучении проблем социального порядка и преступности исследователи-эмпирики ищут ответы на вопрос о том, «какова социальная эффективность уголовного права и правовых институтов по вопросам противодействия преступности?». Они обобщают модели и типы преступного поведения, преступных организаций, оценивают структуру и динамику преступности с учетом латентной составляющей. Как известно, еще со времен А. Кетле социологическая наука интересуется «темной цифрой» преступности. Бельгийский математик Адольф Кетле в 1835 году обнародовал первый статистический анализ распределения преступности в ряде европейских стран (Бельгия, Франция, Голландия). Исследователь проанализировал структуру и уровень преступности и установил, что индексы преступного поведения зависят и меняются от климата, сезона, пола и возраста, воспитания и социальной среды. Однако лишь в последние десятилетия с развитием и совершенствованием количественных и качественных социологических методов и методик преступность в целом и ее латентная компонента, в частности, стали приобретать вполне конкретное количественное выражение.

Социологи критически оценивают существующие модели, методы и механизмы социального контроля над различными проявлениями негативной девиантности, предлагают новые научно-методические решения в этой области. Их интересует реакция общества и государства на преступность и преступников, а также проблемы стигматизации девиантов как источ-

ник рецидивных правонарушений. В социологических работах дается анализ деятельности структур правопорядка, учреждений пенитенциарной системы, судебных органов как социально-правовых институтов.

К наиболее актуальным и в тоже время дискуссионным проблемам изучения преступности в настоящее время специалисты относят эмпирическую оценку общего уровня, структуры, а также тенденций ее развития с учетом высокой латентности явления (У. Звекич, К. Горяинов, В. Овчинский, Ю. Аврутин, Я. Гишинский, В. Лунеев и др.). При определении предмета исследования в качестве понятия «латентная преступность» обычно понимаются деяния, содержащие запрещенные уголовным законом элементы, о которых не сообщалось в правоохранительные органы (незаявленные или неизвестные правонарушения) либо сообщалось, но они не получили должной правовой оценки и реагирования в правоохранительных органах (скрытые). Общий уровень латентной преступности выступает в таком случае как сумма уровней естественной (незаявленной) и искусственной (скрытой) латентной преступности. Общий уровень преступности складывается из зарегистрированной и латентной составляющих.

Представления о структуре и динамике преступной активности, основанные только на данных официальной статистики правоохранительных органов, не учитывающих латентную компоненту, не выдерживают содержательной критики, особенно в России. Это обусловлено тем, что, несмотря на развитие судебной реформы, с 1991 года по настоящее время органы уголовной юстиции страны по-прежнему продолжают служить бюрократическому государству, а не обществу и личности [2, с. 21]. Отсюда со времен советского тоталитаризма выстраивается и совершенствуется крайне заидеологизированная и неэффективная система оценок деятельности милиции. Она исходит из неизменных требований власти к правоохранительным органам всеми средствами добиваться снижения уровня преступности и повышения раскрываемости преступлений при традиционно низком ресурсном обеспечении.

Объективно эти социальные результаты не могут быть достигнуты при финансировании

юстиции по принципу «от достигнутого» как в советскую эпоху, так и тем более они нереалистичны в условиях транзитивного российского общества с явно выраженной аномией, по Дюркгейму и Мертону. Для того, чтобы «обеспечить выживание», равновесное (гомеостатическое) состояние своей организационной структуры, органы правопорядка продолжают вести себя как любая социальная система: всеми законными и незаконными средствами снижают «нагрузку на входе», манипулируя количественно-качественными характеристиками регистрируемых преступлений. Для этого широко используются «технологии самообмана» при регистрации и учете правонарушений, тем самым нередко создается лишь видимость высокой раскрываемости преступлений и «наведения порядка». В итоге манипуляций с регистрацией деликтов, наряду с естественной, растает искусственная латентность преступности, прежде всего, за счет контроля за объемами незаявленных и укрытых преступлений.

Как видим, дешевая юстиция в России дорого обходится налогоплательщикам. Она материализуется не только в росте латентной преступности, снижении личной безопасности людей, но и в росте виктимизации населения, в ориентации граждан на самозащиту, в отчуждении общества от правоохранительной системы, в ее тотальной коррумпированности.

Эти проблемы стали предметом политических дискуссий и активно поднимаются в выступлениях Президента страны. Выход видится в развитии социально ориентированной модели полицейской организации, в освоении и учете позитивного зарубежного опыта по изучению преступности и противодействию этому явлению. Очевидно, что в новых общественно-политических условиях система уголовного правосудия должна быть сориентирована на широкий и более действенный учет интересов граждан, в том числе при регистрации преступлений.

Социально ориентированное реформирование правоохранительных органов невозможно без инноваций в системе изучения и оценки преступности. Социальный эффект в предупреждении и раскрытии преступлений принципиально не достижим без совершенствования системы учета уголовной статистики, без сис-

тематического сбора социологическими средствами и использования в правоохранительной деятельности сведений о преступности, преступниках и жертвах преступлений. Социологические и статистические методики дополняют друг друга, создают эффект методологической триангуляции и в силу этого позволяют более объективно и полно реконструировать криминальную реальность с учетом ее латентной компоненты.

Во многих развитых странах (США, Канада, Австралия Великобритания, Нидерланды, Швеция, Швейцария) накоплен богатый опыт по использованию социологических методов оценки преступности. Среди них следует выделить опросы населения на предмет того, кто из граждан за определенный период (месяц, полугодие или год) стал жертвой преступления. В итоге анализа эмпирических данных относительно общего уровня и структуры преступности, состава жертв преступлений составляются так называемые обзоры виктимизации.

Первые опросные методики по проблемам виктимизации были разработаны в США в середине 60-х годов и апробированы в ходе опроса 10000 семей, проведенного в 1966 году по инициативе Президентской комиссии по законности и правосудию. По данным Конклина, учреждение в 1965 году Президентской Комиссия было вызвано тем, что в 60-е годы XX века в США стал стремительно расти уровень индексных преступлений. Президент Джонсон направил деятельность Комиссии на «углубление понимания причин преступности и поиск путей выхода из сложившегося положения». Программа первого виктимологического исследования включала в себя два пробных исследования, одно из которых было проведено в Вашингтоне, другое в Бостоне и Чикаго, а так же общенациональный опрос общественного мнения. Результаты исследования оказались неожиданными и выявили очень высокий уровень латентной преступности в стране [3, с. 39].

Позитивный опыт социологического изучения жертв преступности в США позволил провести первый и второй Международные обзоры виктимизации (МОВ) в 1989 и 1992 году, которые охватывали развитые и развивающиеся страны Центральной и Восточной Европы, в том числе

Россию. При их проведении был использован вопросник, позволявший собрать сведения о преступлениях, совершенных против лиц старше 16 лет. В анкете были поставлены вопросы, касающиеся оценок по поводу совершенных в отношении респондента преступлений, обращений в полицию, относительно страха перед преступностью, предупреждения преступности и строгости наказаний. Методика первых международных виктимологических исследований позволяла главным образом оценить уровень преступлений, совершенных против личности и собственности. Она исключала оценку экологических деликтов и деяний в рамках так называемой «преступности без жертв», например, в связи со злоупотреблением наркотиками.

Было установлено, что развивающиеся страны отличаются более высоким уровнем виктимизации населения почти по всем видам преступлений. Выявлено, что урбанизация является универсальным фактором, увеличивающим число преступлений как в развитых, так и развивающихся странах. Исследователями был отмечен высокий уровень виктимизации в Москве.

В целом МОВ показали, что преступность – глобальная социальная проблема. Она беспокоит многих людей в тех странах, где проводились виктимологические исследования. Оказалось, что более 20 % опрошенных старше 16 лет за год сталкиваются со случаями краж, порчи имущества, либо агрессивного поведения. Обзоры виктимизации показали, что в России и других государствах на постсоветском пространстве существенно занижается уровень преступности по официальным статданным [3, с. 53].

Вместе с тем, опыт национальных и международных опросов жертв преступлений выявил ряд методологических проблем по социологической оценке виктимизации населения и распространению преступности. Во многом они были обусловлены несовершенством выборок, сложностью квалификации состава преступления респондентами или нежеланием сообщать о факте виктимизации, например, в связи с сексуальным характером преступления. Кроме того, специальные исследования показали, что доля криминальных происшествий, сообщенных респондентом интервьюеру, во многом зависит от того, какие отношения существовали между

правонарушителем и жертвой до преступления. Например, если жертва и преступник не были знакомы, то пострадавшие сообщали о 76,3 % происшествий. Если жертва знала правонарушителя, то следовало сообщение только о 56,9 % преступлений. Если же преступник был родственником жертвы, то респондент сообщал лишь о каждом пятом деликте.

Заметим, что обзоры виктимизации и другие массовые опросы с целью изучения преступности – все еще очень дорогостоящие и трудоемкие исследования. По данным американских криминологов, социологические методики исследования преступности достаточно дорого обходятся налогоплательщикам и поэтому широко применяются лишь в развитых и богатых странах. Так, в США федеральное правительство, правительства штатов и местные органы власти ежегодно тратят десятки миллионов долларов и сотни тысяч человеко-часов на то, чтобы собрать социологическими методами и проанализировать данные о преступности [4].

В настоящее время для сбора эмпирических данных с целью оценки преступности и виктимизации в разных странах сложились свои подходы на основе объединения альтернативных методических приемов и решений, учитывающие местные или национальные особенности и условия. Как правило, исследователи опираются на методологическую триангуляцию. Иными словами, они используют различные дополняющие друг друга исследовательские методики, одновременное применение которых дает более взвешенную и приближенную к реальности картину преступности. Так, в Соединенных Штатах широко применяются следующие количественные и качественные методы изучения преступности: *национальные виктимологические опросы, единые отчеты о преступности, самоотчеты правонарушителей, вторичный анализ данных опросов о преступности, кейс-стади и включенное наблюдение.*

Национальные виктимологические опросы (HBO/NCVS) в Соединенных Штатах проводятся ежегодно, начиная с 1972 года Американским бюро переписи населения. В исследовании участвует около 50000 домохозяйств или примерно 100000 человек, отбор которых осуществляется с помощью вероятностных выбо-

рок. По каждому адресу опрос проводится два раза в году. В выборку попадают респонденты старше 12 лет. Участников опроса спрашивают об уголовных происшествиях, которые произошли с ним за прошедшие шесть месяцев, что позволяет получить вполне репрезентативную криминологическую информацию.

Виктимологические данные опросов позволяют приблизить к реальности оценки абсолютного уровня основных составов преступлений, сформировать более объективное представление о тенденциях преступности. По методике исследования опросные данные подразделяют на два типа: сведения об уголовных преступлениях и жертвах преступлений. В первом случае фиксируется количество криминальных эпизодов. Во втором суммируется число людей, против которых были совершены преступления. Например, если грабитель в баре забирает выручку из кассы, а также бумажник у бармена и личную собственность у пяти клиентов, то программой обработки цепь этих деликтов будет квалифицироваться как одно правонарушение – ограбление. При этом фиксируется шесть фактов виктимизации. В случае преступлений против личности (изнасилование, разбойное нападение, грабеж, похищение имущества у частного лица) разделение на число происшествий и число жертв соблюдается особенно тщательно. Если преступление было совершено против частной собственности, то различие между виктимизацией и уголовным происшествием не делается: жертвой преступления считается владелец похищенной собственности [4, с. 112].

Данные субъективной статистики позволяют выявить важные ситуационные факторы преступности. Это относится к выяснению а) места, где было совершено преступление (дом, офис или школа); б) времени суток, в которое оно произошло; в) было ли применено оружие; г) сколько человек пострадало в результате преступного деяния. В ходе опросов удается собрать уникальную информацию о жертве преступления (пол, этничность, возраст, образование, семейное положение, состояние здоровья, расходы на лечение и реабилитацию или возмещение вреда в результате потери имущества). Кроме того, в последние годы Американское бюро переписи населения включает в оп-

росники NCVS индикаторы, характеризующие «правоохранительный ответ» на преступления, которые были зарегистрированы в полиции [5, с. 55].

Результаты обзоров виктимизации, проведенных в США в 90-е годы XX столетия, по данным Ф. Шмаллегера, показывают, что:

- участниками опросов ежегодно сообщается около 35 миллионов преступлений;
- приблизительно 23 миллиона американских домашних хозяйств или 25 процентов от их общего количества ежегодно становятся жертвами преступных посягательств;
- горожане имеют в два раза больше шансов стать жертвами преступлений, чем жители села;
- в полиции регистрируется только половина всех тяжких преступлений, две пятых преступлений, совершенных в домохозяйствах, и примерно одна четверть краж личного имущества [5, с. 60].

Таким образом, результаты обзоров виктимизации более реально показывают уровень преступности, чем данные уголовной статистики, но данные NCVS обычно критикуют за субъективное превышение показателей преступности по некоторым видам.

Единые отчеты о преступности (ЕОП/UCR). Американская программа составления единых отчетов о преступности стартовала еще в 1930 году. Ее целью было получение более надежных и соизмеримых данных о преступности, поскольку до этого момента в разных штатах и даже в различных правоохранительных органах в пределах одного штата определения одних и тех же преступлений имели различия. Терминологические разночтения были основным препятствием для получения единых обобщенных статистических данных о преступности.

Для повышения сопоставимости данных уголовной статистики в рамках ЕОП были разработаны и введены единые операциональные определения преступности и ее составляющих. Все преступления были разделены на две группы. К группе I были отнесены: убийство (за исключением неосторожного убийства или убийства, совершенного при смягчающих обстоятельствах в целях самозащиты), изнасилование, грабеж, разбойное нападение, берглэри

(незаконное проникновение в здание с целью совершения преступления или кражи), кража, кража автотранспорта и поджог. В группу II объединены такие правонарушения как простое нападение, подлог и подделка, мошенничество, растрата, вандализм, проституция и коммерческие пороки, употребление наркотиков, азартные игры, вождение автомобиля в состоянии алкогольного опьянения, нарушение общественного порядка, бродяжничество и некоторые другие правонарушения.

Уголовная статистика в США, как и других странах, опирается на два основных источника: сообщения граждан о правонарушениях и регистрация преступлений сотрудниками правоохранительных органов. Чаще всего полиция узнает о преступлениях I и II групп из заявлений граждан. Таким образом, поведение потерпевших и свидетелей во многом определяет число правонарушений, которые попадают в статистическую отчетность.

Будет ли криминальное происшествие зафиксировано в статистических отчетах, как преступление, зависит от ряда важных обстоятельств. Это и вопрос определения деликта, квалификации его опасности, и влияние субъективного фактора со стороны потерпевшего (величина ущерба), и воздействие фактора собственно полицейской деятельности (внесение криминального происшествия в отчет нередко зависит только от усмотрения полисмента). Нельзя не учитывать и влияние политических условий. Органы правопорядка в любой стране существуют в определенном социально-политическом окружении. Число указанных в статистических сводках правонарушений может быть воспринято и как показатель эффективности антикриминальных мер, и как признак того, что органы правопорядка не контролируют проблему преступности. В США, как и других странах с демократической политической системой, выделение дополнительных ассигнований на борьбу с преступностью зависит от того, насколько сильно общество озабочено проблемой преступности. Артикуляция этой проблемы в общественном мнении и во власти – во многом результат манипуляций с уголовной статистикой из ЕОП и данными обзоров виктимизации.

Имеет значение и методологический фактор. Общее число преступлений определяется по специальным правилам подсчета и составления Единых отчетов о преступности. Так, в отчет вносится только наиболее тяжкое преступление, имевшее место в ходе серии уголовнонаказуемых событий. Тяжесть преступления определяется в соответствии с порядком их расположения в списке индексных преступлений. Например, злоумышленник проник в частный дом, похитил фотокамеру и, столкнувшись с хозяином дома, угрожал ему пистолетом, а потом украл его машину. Как видим, совершен целый ряд индексных правонарушений. Однако в отчет будет внесено лишь наиболее серьезное из них – ограбление. Единственным исключением из этого правила является поджог. Это преступление учитывается независимо от того, какие еще правонарушения были совершены правонарушителем в указанный момент.

Самоотчеты правонарушителей (SR-исследования) – третий источник получения данных о преступности. Самоотчет или самосообщение – метод, основанный на самоанализе, на субъективной оценке криминальной действительности правонарушителем [5, с. 121].

Самоотчеты – форма социологических опросов нарушителей правопорядка или представителей групп риска криминального поведения. Методологические основы самоотчетов были заложены в работах криминологов Дж.Ф. Шорта, Ф.И. Ная. Это альтернативная методика, несвязанная с составлением ЕОП или опросами жертв преступлений. Заметим, что самоотчетам свойственны все сильные и слабые стороны, присущие опросным методикам.

Характерно, что самоотчеты правонарушителей, как правило, не ведутся по унифицированной анкете. Отсюда ее индикаторы остаточны сильно варьируются. Кроме того, отмечаются существенные различия при описании объекта опроса и построении выборочной совокупности. Для оценки уровня делинквентности при заполнении анкеты предлагается респондентам заполнить контрольную таблицу форм делинквентного поведения. Исследователем обычно фиксируется гендерный, семейный, образовательный, социально-экономический статус респондента. Наряду с анкетным, опрос правонару-

шителей может проходить в формате интервью. В состав выборки обычно включают заключенных или лиц, фигурирующих в полицейских отчетах, а также учащихся старших классов, имевших проблемы с полицией. В этом состоит основное отличие самоотчетов от уголовной статистики и обзоров виктимизации.

Самоотчеты являются эффективным способом изучения этиологии совершения преступлений. Они позволяют исследователям получить подробную информацию о правонарушителях: не только зафиксировать их демографические данные, но и оценить особенности семейного воспитания респондентов, свойства личности, интересы, мотивацию к достижению успеха, отношение к соблюдению религиозных ритуалов.

В современных социологических исследованиях преступности на основе самоотчетов измеряются специальные криминологические индексы. Среди них следует выделить, такие как: *уровень инцидентности* преступлений (среднее число преступлений, приходящихся на одного человека, или число преступлений, приходящихся на некоторое количество населения) и *уровень распространенности* (доля респондентов, сообщивших об одном или более правонарушениях, относящихся к определенной категории за определенный промежуток времени) [4, с. 117-119].

Данные самоотчетов создают специфическую картину масштабов преступности, отличную от той, что реконструируется по официальным статданным или оценкам жертв преступлений. Это естественно, поскольку на искомый результат оказывает существенное влияние метод исследования. Отсюда следует, что ни один из методов изучения преступности не может быть единственным, достоверным источником информации о преступном поведении.

Вторичный анализ данных опросов о преступности. Этот метод социологического изучения криминальной реальности и жертв преступлений широко используется в исследовательской практике зарубежных социологов и криминологов в настоящее время. Вторичный анализ представляет собой переоценку уже собранных и структурированных на электронных носителях первичных опросных данных о преступном поведении и жертвах преступности

под иным углом зрения, в новом социокультурном или политическом контексте, несмотря на то, что исходная информация была предназначена для других целей.

Вторичный анализ опросных данных о преступности сокращает время и расходы исследователей, позволяет агрегировать данные в новые кластеры и анализировать тенденции в развитии преступности. Одним из фундаментальных источников структурированных в электронные базы первичных данных для вторичного анализа в США является Национальный архив данных криминальной юстиции (NACJD), сосредоточенный в Институте социальных исследований Мичиганского университета. Архив накапливает информацию относительно различных аспектов виктимизации населения страны, деятельности системы правосудия и ювенальной преступности. Другим источником данных для вторичного анализа выступают материалы, собранные в Национальном институте публикаций по вопросам юстиции (NIJP). Для вторичного анализа используются данные из словаря источников информации о преступности и юстиции (DCJIS). Данные этого собрания периодически подвергаются обновлению и редакции. В последнем выпуске помещается резюме о структуре предоставляемых информационных услуг, о публикациях, о телефонах и адресах авторов из более, чем 160 источников по проблемам оценки преступности [5, с. 112].

Изучение преступных случаев (кейс-стади). Качественная методология изучения преступного поведения позволяет проникнуть в его содержательную суть. Изучение преступных событий, случаев строится на основе всестороннего качественного описания индивидуального опыта преступного поведения. Изучение событий из жизни одного преступника, одной специфической преступной организации – пример кейс-стади.

Изучение преступных случаев полезно потому, что оно может выявить то, что следует ожидать от других подобных событий и ситуаций. Например, изучение поведения индивидов в уличной криминальной группе может открыть центральную роль одного или нескольких лидеров (преступных авторитетов). Этот вывод уместно распространить и на описание стиля

поведения лидеров в другой подобной уличной преступной группе (street gang).

Когда индивид с преступным опытом выступает в качестве объекта социологического исследования, то оно может принять форму life history – истории жизни одного человека, воспринимаемую как последовательность криминальных кейсов. Большинство жизненных историй преступников весьма субъективны вследствие того, что они состоят из непосредственно перечисленных сюжетов и событий в интерпретации самого объекта исследования. Тем не менее анализ таких историй может быть ключом к пониманию реального преступного поведения других индивидов или выступить исходным пунктом для дальнейшего научного поиска.

Как видим, «кейс стади» несут на себе печать субъективизма, который проявляет себя в смешении чувств и фактов в изложении индивида как объекта исследования относительно своего криминального прошлого. Вместе с тем, этот метод изучения преступности дает возможность лучше взвесить и оценить событийные детали в жизни конкретного правонарушителя как представителя определенного социального типа, социального слоя, что не фиксируют количественные опросные методики в ходе виктимологических опросов или самоотчетов правонарушителей.

Включенное наблюдение за правонарушителями. Наблюдение за участниками преступных сообществ позволяет вести сбор фактов аудио-визуальными средствами исследователя, который принимает то или иное участие в изучаемой группе или общности. Некоторые исследователи работают инкогнито, не показывают свою идентичность. Другие исходят из того, что цель исследования незачем скрывать.

Одним из самых ранних и известных примеров использования включенного наблюдения при изучении преступности представляется опыт Уильяма Уайта, который описал свое исследование преступных субкультур в районе трущобы Корневилль. Цель ученого состояла в непосредственном описании преступной действительности и социальных практик жителей Корневилля. При этом ему пришлось решить весьма трудную проблему идентификации с жителями Корневилля. Статус «своего парня»

давал возможность ученому поддерживать тесные неформальные отношения с людьми, преодолевать социальные и коммуникативные барьеры, проводить наблюдения.

Полученные результаты превзошли все ожидания, но включенное наблюдение – не идеальный метод. Он характеризуется повышенным риском субъективности впечатлений наблюдателя и даже угрозой его полной идентификации с членами изучаемого сообщества.

Таким образом, для описания и объяснения преступности как социальной проблемы и факторов ее детерминирующих социологи могут и широко используют как данные уголовной статистики, так и данные социологических опросов о преступности, в том числе с применением процедур вторичного анализа. Этой же цели служат и качественные методы, о чем свидетельствует конструктивный опыт зарубежных специалистов. Здесь важно адекватно оценивать когнитивный потенциал различных методик, использовать их сильные и нивелировать слабые стороны, прибегая к приемам методологической триангуляции. Ясно, что невозможно с высокой достоверностью и точностью оценить абсолютное число таких латентных преступлений как изнасилования, разбойные нападения или кражи имущества. Более точно исчисляются и коррелируются индексы по убийствам, кражам автотранспорта и некоторым другим резонансным преступлениям.

Несмотря на то, что уровни преступности, рассчитанные по разным методикам, в том числе опросным, не всегда согласуются между собой, но на основе сочетания разных дополнительных, по Н. Бору, приемов во много удастся избежать фрагментарности монометодических оценок преступности и лучше реконструировать социологическими средствами социально-криминальную реальность.

Нужно отметить, что в России периодически дозируются объем и доступность данных уголовной статистики. Виктимологические опросы проводятся нерегулярно и не в масштабах всей страны, что определенно затрудняет научное осмысление проблем преступности и обеспечения правопорядка. Манипуляции с уголовно-правовой статистикой снижают доверие граждан к органам юстиции и правопо-

рядка. В литературе находят отражение лишь некоторые специальные или региональные виктимологические опросы, а ведомственные статистические сборники выходят с грифом ДСП. Между тем в США и странах Западной Европы уголовная статистика и результаты социологических исследований по проблемам преступности и виктимизации полностью открыты, о чем свидетельствуют международные криминологические издания и материалы интернет-сайтов. Ежегодно большим тиражом издаются специальные сборники «Уголовная виктимизация в Соединенных Штатах» и «Преступность в Соединенных Штатах». Виктимологические данные опросов и статистика преступности широко обсуждаются в открытой печати, что вполне отвечает задачам правового просвещения населения и учета интересов гражданского общества, укрепляет социальную составляющую юстиции и правоохранительной деятельности.

Литература:

1. Гишинский Я.И. Криминология. Курс лекций. – СПб.: Питер, 2002.
2. Горяинов К.К., Овчинский В.С., Кондратюк Л.В. Улучшение взаимоотношений граждан и милиции: доступ к правосудию и система выявления, регистрации и учета преступлений / Научный доклад. – М.: Инфра-М, 2001.
3. Звеквич У., Дель Фрате А.А. Обзоры виктимизации: международная перспектива // Латентная преступность: познание, политика, стратегия / Сборник материалов международного семинара. – М.: ВНИИ МВД России, 1993.
4. Криминология / Под ред. Дж. Ф. Шели. Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2003.
5. Schmallegger F. Criminology Today: An Integrative Introduction. – New Jersey, 1999.

Sociological Study of Delinquency: Following the Foreign Experience

The article concerns review of major sociological methods of delinquency study including its latent component. The paper shows the results and problems of foreign studies in perception of “dark figures” of delinquency. The author presents the advantages and disadvantages of statistical and sociological approach in studying delinquency as a type of negative deviant behavior. The article emphasizes the role of victimization reviews and other sociological techniques in solving the tasks of effectivization of law enforcement agencies, informing scientists and judicial education of society.

